

РУССКИЙ ДИАЛОГ

DOI 10.37386/2305-4077-2022-1-212-223

И. А. Нагорный¹*Цзилиньский университет (КНР)*

МОДУСНО-ОТВЕТНАЯ ФУНКЦИЯ ЧАСТИЦ В ТЕКСТОВОМ ДИАЛОГЕ

В статье устанавливаются параметры актуализации русскими частицами сообщаемого в тексте, детализируются коммуникативно-прагматические свойства частиц в текстовом диалоге, анализируется проблема функционирования частиц в коммуникативном процессе, соотносятся текстово-речевые и логико-языковые характеристики ответных нечленных предложений, образуемых русскими частицами. Проанализирован вопрос о специфике текстового функционирования частиц как модально-ответных квалификаторов. Осуществлена попытка выявления особенностей влияния частиц на смысловое поле речевого диалога, исследованы коммуникативные процессы семантической компрессии и структурного упрощения, отражаемые при помощи частиц в модально-ответном нечленном предложении. Определены функционально-коммуникативные свойства частиц при выражении точки зрения говорящего и донесении данной точки зрения до адресата в текстовом диалоге. Доказано, что некоторые русские частицы обладают коммуникативно обусловленным статусом структуризаторов и ответных речевых знаков, функционирующих в квалификативной зоне речевого диалога при актуализации свернутого типа суждений.

Ключевые слова: русские частицы, модусно-ответная функция, текстовый диалог, ответное нечленное предложение, компрессированное суждение, говорящий, адресат, речевое воздействие.

I. A. Nagorny*Jilin University (PRC)*

MODUS-RESPONSE FUNCTION OF PARTICLES IN A TEXT DIALOG

The article establishes the parameters of actualizing the information given in a text by particles in the Russian language, the communicative and pragmatic properties of particles in a text dialogue are detailed, the problem of functioning of particles in the communicative process is analyzed, the text-speech and logical-linguistic characteristics of inarticulate sentences formed by particles in Russian are correlated. The question of the specifics of the textual functioning of particles as modal-response qualifiers is analyzed. An attempt is made to identify the features of the influence of particles on the semantic field of speech dialogue, the communicative processes of semantic compression and structural simplification, reflected by particles in a modal-response inarticulate sentence, are investigated. The functional and communicative properties of particles

¹ Игорь Анатольевич Нагорный – доктор филологических наук, профессор, профессор Института иностранных языков Цзилиньского университета (Jilin University, China), член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования.

in the process of expressing the speaker's point of view and communicating this point of view to the addressee in a text dialogue are determined. It is proved that some Russian particles have a communicatively conditioned status of structurizers and response speech signs functioning in the qualifying zone of speech dialogue when actualizing the reduced type of judgments.

Keywords: particles in the Russian language, modus-response function, text dialogue, non-articulate response sentence, compressed judgment, speaker, addressee, speech impact

Постановка задачи

Процесс коммуникации – сложная, динамичная и самодостаточная сфера любого языка, активно проявляющая себя в том числе и на уровне текстового диалога. Это сфера, обладающая оригинальными и универсальными признаками [Золотова, 1998], ориентированная на факторы говорящего и адресата [Арутюнова, 1981; дискурсивные слова русского языка, 1998; Шаронов, 2016], прагматические векторы речевого воздействия [Börjesson, 2016; Givon, 1989; Danes, 1987], языковую и концептуальную картины мира коммуникантов [Яковлева, 1994], способы речевого воздействия [Lakoff, 1972; Буглак, 1990; Вольф, 1985], коммуникативно-речевую ситуацию [Гак, 1972], а также на многие другие аспекты своего проявления в речевой сфере языка.

Исследование параметров модусной квалификации сообщаемого при помощи языковых средств видится важной проблемой в плане развития антропоцентрических и функциональных идей современной лингвистики. Среди огромного количества коммуникативно насыщенных языковых средств [Человеческий фактор в языке, 1992], при помощи которых человек выражает свое личное мнение относительно чего-либо, оценивает события и факты действительности, доносит собственную точку зрения до адресата, русские частицы как субъективизаторы авторского взгляда на действительность относятся, по нашему мнению, к продуктивным и прагматически насыщенным речевым знакам модализации сообщаемого. Исследование функционального потенциала частиц как языковых средств, выполняющих ответную функцию и активно используемых коммуникантами в текстовом диалоге, может помочь в решении некоторых важных вопросов в области антропоцентризма, коммуникативистики и прагматики. Целесообразным в этом плане видится изучение не только сугубо грамматических характеристик частиц как служебных элементов русской языковой системы, но и их ярких коммуникативных свойств, проявляющихся при модусной квалификации говорящим сообщаемого. В связи со сказанным представляется важной задача исследования модусно-ответной функции частиц в текстовом диалоге.

Объект, предмет и методы исследования

Объект данного исследования – ответные нечленимые предложения, образованные частицами. Предметом описания является модусно-ответная функция частиц в ответных нечленимых предложениях, функционирующих в текстовом диалоге. Теоретическая база работы нарабатывалась с помощью функционального и описательного методов исследования, применявшихся при анализе функциональных характеристик русских частиц и описании коммуникативных процессов

семантической компрессии и структурного упрощения, генерируемых частицами в ответных предложениях. Применение указанных методов помогло решить поставленную задачу и подтвердить гипотезу о том, что некоторые частицы способны выполнять модусно-ответную функцию, прагматически насыщать свернутые суждения, компрессировать сообщаемое в ответном нечленном предложении.

Результаты и их обсуждение

Для русской коммуникативной сферы характерно явление речевой компрессии – выражения и актуализации смысловой информации при минимальном количестве языковых средств. Данное явление является широко распространенным, фактически стандартизованным. Это мотивировано целым рядом важнейших коммуникативных факторов: прагматической постановкой речевой задачи говорящим, ориентировкой высказывания на адресата, пресуппозитивными компонентами процесса обмена информацией, перспективной продуктивностью речевого диалога со стороны коммуникантов, исключением из процесса коммуникации разного рода тавтологических явлений и многими другими аспектами речевой сферы.

Речевая компрессия активно представлена на ментальном (а впоследствии и коммуникативном) уровне, в так называемом свернутом логическом суждении [Таванец, 1955], продуктивной реализацией которого в речевой зоне является ответное конструктивно нечленное предложение [Лекант, 1986, с. 14]. Данная форма мысли и одна из форм ее языкового воплощения – ответное нечленное предложение – весьма продуктивны в диалогической форме речи, в том числе и текстовом диалоге. Важнейшими языковыми инструментами репрезентации свернутой формы мысли в русском языке являются междометия и частицы [Стародумова, 1997; Шаронов, 2009; Нагорный, 2017]. Последние и представляют для нас интерес, в частности при выполнении ими модусно-ответной функции в текстовом диалоге.

Выполнение смысловыми частицами в речевом высказывании ответной функции сосредоточено на фиксации именно суждения компрессированного, суждения свернутого типа. Речевые высказывания, выражающие такого рода логические суждения, отражают нерасчлененность логического предмета и предиката мысли:

- *Ведь это действительно так? Не может быть иначе? – Вряд ли* (В. Шукшин);
- *Давно это произошло? – Как будто...* (С. Снегов);
- *Директор оказался явным сторонником твоей точки зрения? – Едва ли* (Газет. текст).

В подобных случаях частицы выполняют функцию фиксации компрессированного суждения, а результатом этого, несомненно, является оптимизация процесса коммуникации со стороны адресата.

Нечленное суждение, выражаемое частицами, обладает достаточно аморфными структурными параметрами, поскольку логические субъект и предикат

как стержневые компоненты такого суждения словесно не выражены [Галкина-Федорук, 2019, с. 39]. В ответных предложениях, образуемых частицами, нечеткость проявления оппозициональных мыслительных компонентов – это коммуникативная норма, и обусловлена данная норма тем, что в разворачиваемом частицей коммуникативном акте у говорящего и адресата имеются четкие понятийные представления о данных логических компонентах мысли и их семантическом наполнении. Это обусловлено ситуативно и нередко имеет контекстуальное подтверждение. Указанные понятийные представления весьма конкретны и не вызывают перцептивных трудностей у участников процесса коммуникации:

- *К нему это неприменимо!* – **Да уж...** (Л. Леонов);
- *Никого нет? А то еще нарвемся.* – **Вроде бы** (Газет. текст);
- *Никогда этого не будет!* – **Уж будто!** (В. Шукшин);
- *В университет? – спросил он приближающегося хмурого Хлебова.* – **Едва ли.** – *прозвучало в ответ* (Журн. текст).

Основой того, что при компрессированном способе подачи информации в диалоге коммуниканты правильно понимают и воспринимают мысли друг друга, являются прагматико-ситуативные факторы и пресуппозитивные знания, которыми владеют участники процесса общения. В данном случае частицы – это то модусно-ответное речевое средство-оптимизатор, которое использует адресат для свернутой, прагматически ориентированной ответной реакции на суждение говорящего:

- *Лестницу вернут, надеюсь?* – **Вроде** (Журн. текст);
- *К вечеру можно ждать решения моего вопроса?* – **Вряд ли...** (Ю. Семенов);
- *Какой-то ты кислый с утра. Проблемы гнетут?* – **Определенно** (Газет. текст).

Сказанное заставляет обратить внимание на два достаточно продуктивных коммуникативных процесса, проявляющих себя в диалогической сфере общения, где коммуниканты используют в качестве ответных языковых средств частицы.

Процесс семантической компрессии

Действие процесса семантической компрессии делает частицу – грамматически служебный языковой элемент – весьма важным в речевой сфере, семантически емким и информативно насыщенным коммуникативным знаком, который используется коммуникантами для передачи объемных смысловых пластов, свернутых для оптимальной передачи информации, в том числе информации модусно-квалификативного типа. Частица используется адресатом: во-первых, для компрессированной, свернутой ответной речевой реакции на слова собеседника; во-вторых, для передачи собеседнику оптимального объема смысловой информации оценочного типа, достаточного для репрезентации собственной точки зрения на события и факты; в-третьих, для прагматического насыщения высказывания, поскольку для адресата важным является не только сама речевая реакция на сообщаемое, но и донесение до собеседника собственного видения ситуации, ее оценочной характеристики:

- *Ну вот, все не потеряно – Да где уж!* (Ф. Панферов);
- *Он сам с тобой разберется – Ишь!..* (Журн. текст);
- *Да не думал я ничего такого. – Вот как?* (Д. Донцова);
- *Не нам чета. Я знаю, что говорю. – Уж будто?* – с улыбкой произнес спутник (Ю. Семенов).

Образуемые частицами нечленимые предложения являются свернутыми, компрессированными аналогами членимых предложений. Для такого рода эквивалентов членимых предложений, образуемых частицами, типичной оказывается усиленная смысловая компрессия модусной составляющей семантической структуры, тесное взаимодействие диктума и модуса, превалирование квалификативного смыслового слоя в ответном предложении. Это имеет немаловажное значение для продуктивного употребления коммуникантами компрессированных суждений, на языковом уровне представленных нечленимыми предложениями, образуемыми частицами:

- *К нему уже приехали?* – **Вряд ли** (А. Иванов);
- Егор долго размышлял, потом невнятно пробормотал. – Ну, едва ли...* (Журн. текст);
- *Вот-вот это-то и будет. – Уж будто?* (Д. Донцова);
- *И что? Ответят?* – **Да вряд ли** (Газет. текст).

Для того, чтобы образуемое модальной частицей компрессированное ответное сообщение состоялось, чтобы оно могло быть свободно введено адресатом в речевой диалог и прагматически продуктивно функционировало в нем, в предыдущем суждении говорящего, как правило, должно быть дано прямое или косвенное указание на некую потенциально реализуемую или уже реализованную возможность, невозможность, вероятность, необходимость или долженствование осуществления чего-то в сфере действительности или ментальной сфере. Потенциально такие векторы уже актуализированы в том вопросе или констатационной фразе, которая является основой для создания адресатом модально-ответного высказывания с частицей:

- *А ведь я была там. И вернулась. – Вот как?* (С. Лукьяненко);
- *Снова все начнется, при таком-то раскладе? – Куда там!* (Журн. текст);
- *Полагаешь, все придет в норму? – Вряд ли. Раньше надо было думать* (В. Плетнев).

В речевом диалоге, где в роли ответного высказывания адресата функционирует нечленимое предложение, образуемое частицей, говорящий в предваряющей фразе превентивно (прямо или косвенно) оценивает что-то как фактически существующее, вероятное, возможное, требуемое или необходимое, с его точки зрения. В ответном же высказывании с частицей эти связи градуализируются адресатом и квалифицируются им как констатационно-утвердительные или констатационно-отрицательные, сомнительные либо предположительные:

- *Но ведь должно же это как-то нормализоваться?* – **Разве?** (Журн. текст);
- *Я вернусь еще, вот увидишь!* – **Вряд ли** (К. Симонов);
- *Ну как, приехали уже?* – **Вроде как** (Ю. Семенов).

Это является основанием прагматически обусловленной и ситуативно разворачиваемой в текстовом диалоге модусной квалификации события, выражаемой в ответном высказывании при помощи частицы. Для такой квалификации оказывается характерным ориентирование на градуальное образование – квалификативную шкалу с двумя абсолютными полюсами, образующими соответственно центральную и периферийную зоны данной квалификативной шкалы, и зоной переходности [Ивин, 1970, с. 25–26; Халина, 1993]. Градуализация сомнения, предположения, возможности/вероятности, кажимости и т. п., таким образом, положена здесь в основу фиксации речевых ответных высказываний между смысловыми полюсами достоверности и недостоверности или на самих полюсах. Заметим, что и степень уверенности/неуверенности субъекта тоже градуируется, а диапазон ее дифференциации достаточно широк: от полной уверенности в сообщаемом до уверенности в обратном. Именно квалификативная точка зрения адресата является отправной точкой для активного смещения ответного высказывания с частицей к одному из указанных смысловых полюсов:

- *Нравится ему новая работа?* – **Как будто.** *Ведь он мечтал об этом* (А. Белов);
- *А нужно ли нам такое понимание дружбы?* – **Вряд ли** (Журн. текст).

Ответные речевые высказывания по-разному фиксируются на квалификативной шкале. Например, ответное высказывание, образуемое частицей модально-смысловой группы, никогда не фиксируется на полюсе утвердительной или отрицательной достоверности, скажем, как нейтральная утвердительная или отрицательная констатация факта. Это происходит потому, что модально-ответное нечленимое предложение с частицей не выражает констатационное суждение достоверности. В смысловых полях ответных диалогических высказываний с модальной частицей, выражающих компрессированное, свернутое суждение, однозначного подтверждения говорящим предполагаемого факта не происходит. Это типично и для высказываний, фиксируемых на промежуточном отрезке между констатационными полюсами достоверности/недостоверности (– *Так мы рассчитываем на допуск?* – **Вроде бы** (Ю. Семенов); – *Да вчера уже было все ясно.* – **Разве?** (Е. Гуцин)), и для высказываний, тяготеющих к полюсу, противоположному тому, на котором фиксировано высказывание, предваряющее ответное (– *Вся работа будет сделана к сроку.* – **Вряд ли** (С. Егоров); – *А в среду-то уж точно ничего не выйдет.* – **Уж будто!** (Ю. Семенов). Репрезентированная при помощи частицы вторичная квалификация адресатом факта действительности, события или же мнения говорящего переосмысливается в таких ответных высказываниях как итоговый результат произведенной адресатом соответствующей ментальной операции.

Таким образом, для нечленимого ответного предложения с частицей, вводимого адресатом в коммуникативный процесс, типична репрезентация на речевом уровне суждения свернутого, компрессированного типа, семантическое наполнение которого задано содержанием предшествующего суждения говорящего. Устанавливаемая связь между логическим субъектом и предикатом такого квалификативного суждения ассоциативна и устанавливается на прагматико-ситуативном

уровне. Частицы в данном случае – продуктивный языковой инструмент модусной квалификации события или какой-то ментальной операции [Шмелева, 1988, с. 28–41], которая обсуждается говорящим и адресатом в речевом диалоге. Это коммуникативные знаки – показатели того, что «предшествующее суждение... осмысливается говорящим с позиции «здесь» и «сейчас» [Нагорный, 2021, с. 268]:

- *Так все-таки ты встречаешься с ним?* – **Навряд ли** (Ю. Семенов);
- *Вы собираетесь и дальше этим заниматься?* – **Как будто**... (Д. Донцова);
- *Чай, к соседке, милоч, пожаловал?* – **Едва ли**. Не угадали (Журн. текст);
- *Это неслыханно! Я тебя правильно понял?* – **Вроде бы** (А. Иванов).

Способность частиц русского языка выражать свернутое (компрессированное) суждение как ответную реакцию субъекта, генерируемую адресатом в коммуникативном процессе, должна, на наш взгляд, квалифицироваться как важная речевая функция данных грамматически обслуживающих, но прагматически емких элементов русской языковой системы. В этом аспекте частицы – модусные средства языка – должны быть квалифицированы не только как инструмент коммуникативных реакций собеседников, но и как оригинальные и продуктивные структурообразующие языковые элементы.

Процесс структурного упрощения

С процессом семантической компрессии связан еще один важный коммуникативный процесс, реализуемый при выполнении частицами модусно-ответной функции, – процесс структурного упрощения. Указанный процесс – это коммуникативная основа формального упрощения структуры предложения в речевой зоне языка и одновременного увеличения смысловой емкости такого предложения, а также и смысловой емкости самой частицы, образующей ответное высказывание адресата:

- *Проблема, в общем-то, поверхностная* – Ну, **вряд ли** (Газет. текст);
- *Так все и случилось? Как и предполагали?* – **Именно!** (Е. Леонов);
- *Все состоится? Она уверена?* – **Еще бы!** Я и сам так думаю (С. Лукьяненко).

Рассматриваемый процесс прагматически мотивирует сокращение структурного объема предложения. В этом случае к наиболее характерным и обусловленным функциям частиц в ответных нечленимых предложениях относятся:

А. Структурообразующая функция, выполнение которой позволяет русской частице приобретать роль структурообразующего языкового элемента в предложении, что само по себе является нетипичным для морфологически служебных языковых элементов. Выполняя данную функцию, частицы в ответных нечленимых предложениях способны одновременно реализовать и собственно типологическую функцию – включения предложения в синтактико-типологический разряд нечленимых:

- *Прямо сегодня?* – **Уж будто!** Не так быстро (С. Лукьяненко);
- *Что случилось? Решение принято?* – **Вряд ли** (Журн. текст).

Б. Выполнение логической функции заключается в том, что частицы в ответном нечленимом предложении получают способность выступать в качестве репрезентатора логического предиката суждения:

- *Так к нам приходит или нет? – Где уж! Нет, конечно* (Е. Вильмонт);
- *Ну и как? Ты управляешься с нами? – Едва ли* (Д. Донцова).

Отмеченные выше функционально-структурные свойства частиц тесно связаны с одной из важнейших коммуникативных функций языковых средств – прагматической, которая и обуславливает увеличение прагматического статуса самой частицы на диктумно-модусном уровне семантической структуры предложения. Данная функция, несомненно, связана с функциями структурными, поскольку именно частица в структурно нечленимом ответном предложении приобретает статусные характеристики ситуативного актуализатора модусных квалификационных смыслов модального, оценочного, эмотивного, экспрессивного характера, прагматически сориентированных на адресата:

- *Но ведь так и было на самом деле! – Уж будто!..* (Ю. Семенов);
- *Уверен, что все будет в порядке. – Да где уж!* (С. Снегов);
- *Сможем ли мы подойти незаметно? – Вряд ли* (К. Симонов).

Для таких ответных нечленимых предложений типично сворачивание смысловых полей с одновременным увеличением их емкости, что также является одним из условий достаточно частотного употребления таких предложений в текстовом диалоге. В речи коммуникантов ответные суждения о явлениях действительности активно проявляют себя как продуктивный вариант речевой реализации человеческой мысли. Для свободного употребления коммуникантами ответных нечленимых предложений с частицами в речевом диалоге важными оказываются многие факторы. В числе их и общая коммуникативно-речевая ситуация общения [Винокур, 1993], в которой находятся говорящий и адресат, и психологические портреты коммуникативного поведения говорящего и адресата, и соответствующие условия речевого контакта собеседников, и неформальность общения, и общность языковой и концептуальной картин мира носителей одного языка, а также многие другие коммуникативные условия речевого диалога.

Заключение

Подведем итог сказанному. Русские частицы – это прагматически ценные и насыщенные в речевом аспекте языковые знаки, функционирующие в сфере коммуникации, в том числе в ответных предложениях диалогической сферы. Выполнение модусно-ответной функции в текстовом диалоге оказывается для некоторых частиц характерной и мотивационно обусловленной как антропоцентрическими и коммуникативными факторами, так и факторами логико-структурными. Выполняя прагматизированную функциональную нагрузку в тексте, частицы являются рефлекторами и актуализаторами целого ряда коммуникационных процессов, среди которых процессы семантической компрессии и структурного упрощения занимают строго отведенное им место. В целом же разработка коммуникативно-текстового потенциала частиц доказывает, что рассмотренные коммуникативные процессы являются прагматически мотивированными, проявляющими модусно-квалификационные свойства частиц как насыщенных в речевом плане языковых знаков.

Частицы – «модусные выразители» субъективного мнения человека, актуализаторы субъективной «точки зрения», отраженной в личностном суждении человека, которое, в свою очередь, конструктивно воплощено в предложении особого типа – структурно нечленимом, которое эквивалентно по своим базовым семантическим параметрам членимому предложению, однако более емко и прагматически ориентировано. В итоге при выполнении ответной функции русские частицы приобретают важнейшие коммуникативные качества оценочности, прагматичности и динамичности, что оказывает огромное влияние на процесс коммуникации в целом.

Актуализированные в статье проблемы, на наш взгляд, перспективны для развития, в первую очередь при исследовании разнообразных проблем функционализма, прагматики и антропоцентризма. Дальнейшее исследование функциональных характеристик частиц, их коммуникативно-прагматических свойств также представляется актуальным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н.Д.Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Т. 40. – 1981. – № 4. – С. 356–367.

Буглак, С. И. Модальные слова и частицы как средство выражения подтверждения или опровержения достоверности сообщаемого / С.И.Буглак // Русский язык в школе. – 1990. – № 2. – С. 82–87.

Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т.Г.Винокур. – Москва: Наука, 1993. – 171 с.

Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е.М.Вольф. – Москва: Наука, 1985. – 228 с.

Гак, В. Г. Высказывание и ситуация / В.Г.Гак // Проблемы структурной лингвистики. 1972. – Москва: Наука, 1973. – С. 349–373.

Галкина-Федорук, Е. М. Безличные предложения в современном русском языке / Е.М.Галкина-Федорук. – Москва: URSS, 2019. – 334 с.

Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / А.Н.Баранов, К. Бонно, Н. Б. Василевская и др. – Москва: Метатекст, 1998. – 446 с.

Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А.Золотова, Н. К. Ониненко, М. Ю. Сидорова. – Москва: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.

Ивин, А. А. Основания логики оценок / А.А.Ивин. – Москва: Изд-во МГУ, 1970. – 229 с.

Лекант, П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке / П.А.Лекант. – Москва: Высшая школа, 1986. – 176 с.

Нагорный, И. А. Междометия и звукоподражания в русском и китайском языках: семантика и функционирование / И.А.Нагорный, Синсинь Ван. – Белгород: Изд-во НИУ «БелГУ», 2017. – 191 с.

Нагорный, И. А. Русские частицы и субъективная модализация информации / И.А.Нагорный // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2021. – Т 40. – № 2. – С. 264–270.

Стародумова, Е. А. Русские частицы / Е.А.Стародумова. – Владивосток: Изд. ДГУ, 1997. – 68 с.

Таванец, П. В. Вопросы теории суждения / П.В.Таванец. – Москва: АН СССР, 1955. – 194 с.

Халина, Н. В. Категория градуальности в слове и тексте / Н.В.Халина. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. – 164 с.

Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / Н.Д.Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. А. Кибрик и др. – Москва: Наука, 1992. – 280 с.

Шаронов, И. А. Междометия в языке, в тексте и в коммуникации: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. Специальность: 10.02.01 – русский язык / И. А. Шаронов. – Москва, 2009. – 36 с.

Шаронов, И. А. Дискурсивные слова и коммуникативы / И.А.Шаронов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог – 2016». – Выпуск 15 (22). – Москва: Изд-во РГГУ, 2016. – С. 605–615.

Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис / Т.В.Шмелева. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1988. – 54 с.

Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С.Яковлева. – Москва: Гнозис, 1994. – 343 с.

Börjesson, K. The semantics-pragmatics interface: The role of speaker intentions and the nature of implicit meaning aspects / K. Börjesson // Dans Languages. – 2016. – 1 (№ 201). – P. 15–32.

Danes, Fr. Cognition and Emotion in the Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field / Fr. Danes // Preprints of the Plenary Session Papers. XIV International Congress of Linguists Organized under Auspices of CIPL. – Berlin, 1987. – P. 272–291.

Givon, T. Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics / T Givon. – Hillsdale, New Jersey, London, 1989. – 456 p.

Lakoff, R. The Pragmatics of Modality / R. Lakoff // Papers from the Chicago, Linguistic Society. – Chicago. 1972. – Vol. 8. – P. 229–246.

REFERENCES

Arutjunova, N. D. Faktor adresata / N.D.Arutjunova // Izvestija AN SSSR. Serija literatury i jazyka. – T.40. – 1981. – № 4. – S. 356–367.

Buglak, S. I. Modal'nye slova i chasticy kak sredstvo vyrazhenija podtverzhenija ili oproverzhenija dostovernosti soobshhaemogo / S.I.Buglak // Russkij jazyk v shkole. – 1990. – № 2. – S. 82–87.

Chelovecheskij faktor v jazyke. Kommunikacija, modal'nost', dejksis / N.D.Arutjunova, T. V. Bulygina, A. A. Kibrik i dr. – Moskva: Nauka, 1992. – 280 s.

Diskursivnye slova ruskogo jazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisanija / A.N.Baranov, K. Bonno, N. B. Vasilevskaia i dr. – Moskva: Metatekst, 1998. – 446 s.

Gak, V. G. Vyskazyvanie i situacija / V.G.Gak // Problemy strukturnoj lingvistiki. 1972. – Moskva: Nauka, 1973. – S. 349–373.

Galkina-Fedoruk, E. M. Bezlichnye predlozhenija v sovremennom ruskom jazyke / E.M.Galkina-Fedoruk. – Moskva: URSS, 2019. – 334 s.

Halina, N. V. Kategorija gradual'nosti v slove i tekste / N.V.Halina. – Barnaul: Izd-vo AGU, 1993. – 164 s.

Ivin, A. A. Osnovaniia logiki ocenok / A.A.Ivin. – Moskva: Izd-vo MGU, 1970. – 229 s.

Jakovleva, E. S. Fragmenty ruskoj jazykoj kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vosprijatija) / E.S.Jakovleva. – Moskva: Gnozis, 1994. – 343 s.

Lekant, P. A. Sintaksis prostogo predlozhenija v sovremennom ruskom jazyke / P.A.Lekant. – Moskva: Vysshaja shkola, 1986. – 176 s.

Nagornyy, I. A. Mezhdometija i zvukopodrazhanija v ruskom i kitajskom jazykah: semantika i funkcionirovanie / I.A.Nagornyj, Sinsin' Van. – Belgorod: Izd-vo NIU «BelGU», 2017. – 191 s.

Nagornyy, I. A. Russkie chasticy i sub#ektivnaja modalizacija informacii / I.A.Nagornyj // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, jazykoznanija. – 2021. – T. 40. – № 2. – S. 264–270.

Sharonov, I. A. Mezhdometija v jazyke, v tekste i v kommunikacii: avtoreferat dis. ... d-ra filol. nauk: Special'nost' 10.02.01 – ruskij jazyk / I.A.Sharonov. – Moskva, 2009. – 36 s.

Sharonov, I. A. Diskursivnye slova i kommunikativy / I.A.Sharonov // Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: po materialam mezhdunarodnoj konferencii «Dialog – 2016». – Vyp. 15 (22). – Moskva: Izd-vo RGGU, 2016. – S. 605–615.

Shmeleva, T. V. Semanticheskij sintaksis / T.V.Shmeleva. – Krasnojarsk: Izd-vo KGU, 1988. – 54 s.

Starodumova, E. A. Russkie chasticy / E.A.Starodumova. – Vladivostok: Izd. DGU, 1997. – 68 s.

Tavanec, P. V. Voprosy teorii suzhdenija / P.V.Tavanec. – Moskva: AN SSSR, 1955. – 194 s.

Vinokur, T. G. Govorjashhij i slushajushhij: Varianty rechevogo povedenija / T.G.Vinokur. – Moskva: Nauka, 1993. – 171 s.

Vol'f, E. M. Funkcional'naja semantika ocenki / E.M.Vol'f. – Moskva: Nauka, 1985. – 228 s.

Zolotova, G. A. Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka / G.A.Zolotova, N. K. Onipenko, M. Ju.Sidorova. – Moskva: Izd-vo MGU, 1998. – 528 s.

Börjesson, K. The semantics-pragmatics interface: The role of speaker intentions and the nature of implicit meaning aspects / K.Börjesson // Dans Languages. – 2016. – 1 (№ 201). – P. 15–32.

Danes, Fr. Cognition and Emotion in the Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field / Fr.Danes // Preprints of the Plenary Session Papers. XIV International Congress of Linguists Organized under Auspices of CIPL. – Berlin, 1987. – P. 272–291.

Givon, T. Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics / T Givon. – Hillsdale, New Jersey, London, 1989. – 456 p.

Lakoff, R. The Pragmatics of Modality / R.Lakoff // Papers from the Chicago, Linguistic Society. – Chicago. 1972. – Vol. 8. – P. 229–246.